

ВЗГЛЯД НА НЕКОТОРЫЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ РУССКИЕ (Продолжение)

Начало сей статьи было напечатано в первой книжке «Телеграфа» на сей год. С тех пор разные обстоятельства мешали нам продолжать начатое¹. Но пора опять приняться за свое дело, полезное не в одном отношении. Взгляд на жизнь русских периодических изданий объясняет многое, ибо журналы у нас играют важную роль в литературе, а литература составит некогда часть нашей истории. В начале статьи сей мы изложили некоторые мысли о нынешнем обществе русском и начали поверку наших заключений пересмотром газет, издающихся в Петербурге и Москве. Продолжим наше рассмотрение.

Мы написали большую статью о «Литературной газете», но некоторые обстоятельства воспрепятствовали нам издать ее в свет². Теперь мы и сами не решились бы ее

66

напечатать в прежнем виде, не потому, чтобы отказываюсь от своих мнений, но потому, что основатель сей *газеты*, барон Дельви́г, умер³. Об умерших не должно говорить ничего, кроме добра, следуя неоспоримому правилу, *что все прошедшее есть благо*. Но «Литературная газета» существует, и направление ее не только не переменилось, но час от часу обозначается ярче. Догадка наша, что барон Дельви́г участвовал в сей газете только своим именем⁴, становится достоверностью. Следовательно, совсем не против писателя, уважаемого нами и в воспоминании, но против

газеты хотим мы вооружиться, против газеты, которую поддерживают, хотя именем, несколько известных литераторов, и которой направление кажется нам неуместным, несвоевременным, одним словом — нехорошим. Постараемся доказать это ясными доводами.

Всякое предприятие должно иметь какую-нибудь цель. Что было целью писателей, предпринявших издание «Литературной газеты»? Они при самом начале объявили, что «“Литературная газета”» была у нас необходима не столько для публики, сколько для *некоторого числа писателей*, не могших по разным отношениям являться *под своим именем* ни в одном из Петербургских или московских журналов»⁵ Почему же? Разве этих господ не пускали ни в один журнал с их статьями? Но сколько ни перебираю в уме своем имена известных писателей русских, нахожу их в журналах московских и петербургских все, все, начиная с В. А. Жуковского и А. С. Пушкина и оканчивая гг. Трилунным и Щастным. Для стихов Пушкина открыт вход во все журналы и альманахи, не говоря уже о том, что стихи не могут быть целью журнала. Баратынский и в стихах напечатал в «Л. газете» *одну* или *две* эпиграммы в целой год! Князь Вяземский печатал свои стихи *даже* в «Славянине»!.. Под прозаическими статьями «Л. газеты» мы не видали ни одного громкого имени: большею частью, статьи оригинальные были без подписи имен. В конце года «Литературная газета» исчислила имена всех своих участников, вот они: А. С. Пушкин, кн. Вяземский, Е. А. Баратынский, П. А. Катенин, А. Погорельский, М. А. Максимович, В. Г. Тепляков, В. П. Лангер, В. Н. Щастный, гг. Деларю, Трилунный, и проч., и проч. Кто ж еще эти писатели, не могшие *под своими именами* являться в других журналах? Все означенные или печатали в «Л. газете» стишки, или с радостью

участвуют и в других журналах. Но «Газета» издается не для публики!» — говорят нам. И неучтиво, и несправедливо.

67

Для себя, для своего обихода участники «Газеты» могли бы довольствоваться письменною передачею своих произведений, напротив, они издают *в ответ печатные листы*. Ясно, что есть другая причина появления «Литературной газеты», и ее-то должны мы открыть.

Наблюдающие нашу литературу могли заметить, как, при быстром ходе и распространении здравых понятий, пали у нас в забвение многие литературные *известности*, господствовавшие еще лет за десять. Триумvirаты и кадрили, составлявшиеся тогда, разбились, и не могут уже соединиться. Любопытно вспомнить об этом добром былом времени. Мы означим главные его черты.

Существовало целое общество записных гениев, в котором господствовали несколько человек, соединенных взаимною приязнью. Не дарование вело у них в поэты и даже в гении, а посторонние литературе связи. Угодно ли видеть доказательства сего? Вот подлинные свидетельства, от которых отпереться нельзя. Жуковский пишет — к кому же? к А. Ф. Воейкову:

.....
Ты чародей, а не поэт!
Ты всемогущими струнами
Мой падший гений оживил!..

Пушкин уверяет г. Баратынского, узнав о неудачах его *Эды*:

Твоя чухоночка, ей–ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил прямой чухонец⁶.

Баратынский восклицал к барону Дельвигу:

Так, любезный мой *Гораций*...⁷

Жуковский *напечатал* следующие стихи к князю
Вяземскому:

С тобой хочу я говорить,
Мой друг и брат по Аполлону!
Склонись к знакомой лиры звону,
Один в нас пламенеет жар,
Но мой удел на свете — струны!
А твой: *и сладких песней дар,*
И пышные дары фортуны⁸.

Таких примеров могли бы мы привести сотню.

Но спрашиваем всякого беспристрастного человека:

68

есть ли какое–нибудь отношение между пиитическими дарованиями гг. Жуковского и Воейкова, Пушкина и кн. Вяземского или Баратынского? Пушкин, Жуковский — поэты, в полном смысле сего слова, а все другие — *стихотворцы*, пишущие более или менее гладкие стишки. Какое сближение имен: Пушкин и кн. Вяземский! Жуковский и Воейков!.. Они могут быть приятелями, друзьями — это постороннее дело; но на приязни основанные хвалы литературные — это дело

литературное, и критика должна обличить несправедливость и даже невыгоду такого рода похвал. На чем были основаны сии хвалы? На что опирался союз знаменитости литературной, если мы ясно видим, что не дарования вели в сей союз? На приязни — на одной приязни, которая может завязываться от разных причин.

Теперь объясним, каким образом начал разрушаться сей странный союз.

Многие из писателей нового поколения, не принадлежащие к записным гениям, показали большое искусство слагать стихи, так что гг. Воейковы и Вяземские не всегда могут сравниться с ними в этом отношении. Доказательства тут, кажется, не нужны: бездарный г. Воейков и коверкающийся в слоге кн. Вяземский не могут назваться даже хорошими стихослагателями. Гладкостью и легкостью их стихи, конечно, ниже стихов гг. Нечаева, Вердеревского, Иванчина–Писарева, Редкина, Астафьева и проч., и проч. Но когда явились гг. Ротчев, Подолинский, покойный Писарев и некоторые другие, из коих каждый имеет свои достоинства, то дело знаменитых друзей было решительно проиграно*. Своими стихами (ибо все дело состоит в стихах: высокие пиитические мысли у нас еще не зарождались) молодые писатели обличили ничтожность многих прославляемых поэтов, а публика увидела, что уверения приятелей не заменяют дарования. Это был естественный ход вещей, ибо публика всегда решает вопросы практически, предоставляя теоретикам открывать впоследствии, почему действовала она так, а не иначе. Общее мнение начало переходить мало–помалу в журналы, и наконец многие стали резко изъяслять его и смеяться над мишурными дарованиями и подкупною

* Историческая точность велит нам заметить, что почетный титул Знаменитых друзей⁹ изобретен г. Воейковым, который принадлежал и, кажется, донныне принадлежит к числу их. — Соч.

славою. Тогда–то загорелась война здравого смысла с устаревшим предрассудком,

69

преданием, война Рима с Карфагеном! По временам она замолкает, но, как древле Пуническая, тотчас возобновляется с большею силою.

Поясим сию тяжбу литературную несколькими замечаниями.

Не за Карамзина, Жуковского и Пушкина загорелась война. У них никогда и никто (если исключить «Вестник Европы») не оспаривал славы. Напротив, критика почти всегда была слишком снисходительна к упомянутым писателям, слишком безусловно хвалила их, и это очень естественно, ибо до сих пор, можно сказать, у нас еще не было критики. Но партизаны¹⁰ Карамзина, Жуковского и Пушкина, закрываясь их славными именами, похвалами и приязнью, не отличали себя от них и хотели учредить какой–то феодализм литературный. Вот что было причиною раздора, продолжающегося донныне. Здравый рассудок публики разделил имена Карамзина, Пушкина и Жуковского от имен писателей, думающих составлять с ними нераздельное *одно*, и потому–то прозвание *знаменитых* столь смешно, когда прилагается к таким литераторам, как г. Воейков, кн. Вяземский и многие другие, одного прихода с ними. Богу не угодно было наделить их большим дарованием; кто же виноват в этом? Пусть и довольствуются своим. Зачем желать того, что не им принадлежит?

Несмотря на справедливость подобных суждений, они жестоко не нравились партии *знаменитых*. Разбитые на всех пунктах, сии феодалы литературные решились

наконец употребить оружие особенного рода. Поводом к этому были обстоятельства, кидающие новый свет на состояние общества русского.

Образованность и просвещение в наше время видимо распространяются и не в одном сословии дворян. Из числа людей так называемого среднего состояния начали появляться писатели. Само собой разумеется, что они составляют общество отдельное от светского. Бог знает с чего, за это обрекли их на неспособность к умственным трудам. *Знаменитые друзья* селятся доказать, что единственно в светском обществе приобретает вкус и развивается способность к изящному. Им отвечали, что, может быть, там развивается вкус к нарядам, к дорогим винам и кушаньям, и способность изящно не делать ничего, но что во всяком звании и обществе может явиться душа, способная понимать изящное, ибо природа и учение доступны равно для всех. Эта мысль, столь простая и верная

70

истина, встречала противников, но сначала была оспариваема несмело и косвенно. Наконец решились употребить ее предлогом к явному восстанию против *мужиков*, осмеливающихся утверждать, что в них могут быть чувства и мысли. Перемешав понятия, приняв одно за другое, стали оплакивать блаженное (хотя и не бывалое) время, когда литература не выходила из круга *лучших людей*, и, таким образом, обстоятельство, которое должно радовать благородные души, сделалось предметом сожалений, нападок, гнева и, наконец, причиною издания «Литературной газеты»! Вот и разгадка объявления издателей сей газеты!¹¹ Точно им

было *негде* помещать своих притязаний на исключительность, на аристократию литературную: им надобна была своя газета, ибо существовавшие журналы или находились в упадке, или не стали бы помещать таких вещей, на какие мы вскоре укажем. Но трудно ли угадать, что, не имея прямой цели и не думая ни о чем, кроме себя (в этом сознались они сами, в объявлении), вкладчики «Лит. газеты» не могли совершить ничего хорошего? Они представляют собою поучительный пример гордости веков прошедших и борьбы мнений устарелых с современными.

Что составляет содержание «Литературной газеты»? Где те великолепные сочинения, которых недостойны были другие журналы? Какие новые мнения, понятия внесли сотрудники «Газеты» в нашу литературу? Какие образцы скромности, умеренности, образованности, изящества слога показали они? Но таким вопросам нет конца: поясним сделанные здесь нами.

«Литературная газета» есть не иное что, как рама, в которую несколько литераторов¹² вставляют свои жалобы, свои претензии и нападки на современность. Все современное — кроме их самих — не нравится им. Во всем видят они забвение правил вкуса и уважения к достоинствам. Собственно, это «Вестник Европы» наоборот. Не так ли и сей покойный старец предавал анафеме все новое, сожалея и плача о «Пиитике» Баттё и «Философии» Вольфа, почитая еретиками всех, не презиравших «Пиитики» романтизма и философии Шеллинга? Что в «Вестнике Европы» учение схоластики, перешедшее через горнило германских университетов XVI столетия, то в «Лит. Газете» аристократическая литература века Людовика XVI и XV, перешедшая через гостиные русских бар. Но эти *жалобные* статейки составляют только прикрасу

«Газеты», и при неодолимой лени наших светских писателей,

71

прославленной в стихах и олицетворяемой в существенности, они бывают редкими подачками редактору, обязанному наполнять газету, как он умеет. И он славно исполняет свое дело! Он, кажется, и не подумал никогда, что журнал должен иметь цель и план. У него все хорошо, все давай сюда! Он заимствует свой балласт из двух, трех иностранных журналов (всего чаще из польской газеты «Еженедельника, издаваемой в Петербурге»). И что берет он оттуда!.. Иногда попадаются ему под руку и *оригинальные*, в двойном смысле, произведения домашнего обихода. Иногда редактор не презирает и пошлой старинки (таковы, например, пустые приказные бумаги Сумарокова)¹³. Но исключая небольшое число легоньких, приятных (только!) статей, как будто случайно попавших в «Литературную газету», мы не встретили там *ни одной* статьи резко хорошей. Это пустота невообразимая! Укажите хоть на одну статью в сем собрании, которая могла бы заставить издавать для нее журнал! Укажите хоть на один разбор, дельный, философический, исполненный новых мыслей! Издатели истощают свое остроумие над книгами пустыми, а от сочинений важных отделиваются одними фразами. Указываем в пример этого на известия об «Илиаде», баснях Крылова, сочинениях Фонвизина, «Истории русского народа», «Истории древней и новой литературы», Шлегеля¹⁴ и проч., и проч. Тут был случай высказать многое, а что сказали они? Несколько пустых звуков, несколько личностей — не более! Какой

участник или защитник «Лит. газеты» не придет в затруднение, если мы еще спросим: занимаются ли издатели ее важными современными вопросами? Помещают ли они в «Газете» переводные статьи европейских писателей о сих вопросах? Ничего не бывало! Им какое дело до того, что род человеческий идет вперед! Они знают только *себя* и *своих*. И потому—то ни один вопрос, ни один предмет важный не дошел до слуха читателей «Лит. газеты»! Их угощают *жизнею*, в стихах г-на Шевырева, и базарною бранью на нескольких противников безусловного поклонения Карамзину, кн. Вяземскому и еще кой-кому.

«Но куда же делись сочинения, которых недостойны были другие журналы? — спрашивает изумленный читатель, оканчивая год «Лит. газеты»?¹⁵ — Для каких живописцев натянуто это полотно, если на нем всякий мажет, что ему угодно? Какие литераторы не могли являться под своим именем нигде, кроме этой «Газеты?»»? Отвечаем: 1-е, хороших статей не было потому, что их никто

и не думал писать; 2-е, для кого издается «Литературная газета» — это объявили издатели, исчислив имена писателей, участвующих в ней. Мы не понимаем, кто из этих писателей не мог являться в других журналах под своим именем, но видим ясно, чего хотели они.

Обратимся к рассмотрению вопросов о «Литературной газете», представленных нами выше сего. Рассмотрев два первые, приступаем к третьему вопросу: какие новые мнения и понятия внесли издатели в нашу литературу?.. Кроме *философии светских людей* —

ничего! Читателям, верно, неизвестна эта *философия*? Представляем образчики ее.

«Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему странною, и он чуть ли не будет прав»¹⁶. Зачем же внушать алеуту, зачем стараться растолковать ему столь варварские понятия, как понятие о поединках? Не лучше ли объяснить ему такие чувствования французских офицеров, которые принадлежат всему человечеству и доступны для всякого? Но мысль о поединках повторилась еще и в следующем виде: «Пойдет ли *благородный* человек, вооруженный шпагою, драться на поединке с поденщиком, владеющим палкою?»¹⁷. Хорош *благородный* человек, который заставляет поденщика взяться за палку, когда сам он вооружен шпагой! Не о турецких ли и персидских нравах говорит сочинитель? «Но законы *чести*, сии необходимые предрассудки общества, определили, что бой на шпагах благороден, а бой на палках унизителен»¹⁸. И жалко, и смешно читать подобные глупости, ибо как иначе назвать столь отвратительное учение и понятия о *чести*, достойные того времени, когда благоволение *mesdames* Помпадур и Дюбарри возводило в *благородные* и когда *честь* слышалась из уст кардинала Дюбуа! Подозревал ли кто-нибудь прежде, что *законы чести* суть *предрассудки общества*?.. Но такова философия «Литературной газеты». Сия «Газета» дышит неприязнью ко всему *недворянскому*, не принадлежащему к так называемому лучшему обществу. Читатели наши, конечно, изумились от приведенных нами примеров; но что скажут они о следующем (Л. Г., № 36): «Военная и статская служба, чины университетские легко выводят в оное (в

дворянское достоинство) людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские не способен ни к какой службе,

73

ежели он недовольно знающ (в чем?), *чтобы* выдержать университетские экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его, конечно, извинительно, ибо *необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности*; но выказывать его неблагоприятно»¹⁹. Выписав сии строки, я невольно перечитал их, ибо не верил глазам своим. Как?.. всякий нечиновник должен признать себя *ничтожным* перед чиновником? Это уж слишком... Верно, издатели «Газеты» забыли, где и когда мы живем. В наше ли время можно сказать, что чин и сопряженное с ним дворянское звание суть ручательства за личные достоинства? Да и где, в какой Варварии слыханы подобные суждения? Следуя оным, первый поэт русский, коллежский секретарь, должен смиряться перед каким-нибудь Свистовым, графом и тайным советником! Честный мещанин и благородный ремесленник *ничтожны* перед грабителем, мерзавцем чиновником (ибо кто может отрицать, что такие существуют в русском государстве? Нет: подобное мнение возбудило бы негодование не только при дворе Людовика XIV, но и при дворе Махмуда II. По крайней мере мы всегда и всеми силами будем защищать достоинство *человека*, несмотря на то, что издатели «Л. газеты» позволили себе сказать однажды следующие слова: «Недворяне, позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны; но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы

демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приутожили крики «*Аристократов к фонарю*» и ничуть не забавные куплеты с припевом «Повесим их, повесим. *Avis au lecteur*»²⁰. Нет, это не «*Avis au lecteur*»: это — скажем хоть так — *совершенство неблагонамеренности*. Мы уверены, что не нужно доказывать, сколь нелепо обвинение в насмешках над русским дворянством. Насмешка над самозванством литературным никак не относится к дворянским грамотам. Литература и дворянство смешиваются только в глазах издателей «Л. газеты».

Почти все критические и полемические статьи сей «Газеты» отличаются такою же неблагонамеренностью. Сотрудники «Газеты», защищая неправо дело своей литературной знатности, часто забывают все приличия, о которых толкуют они столь много, и даже не пренебрегают самого недостойного оружия для уязвления своих противников. Вот доказательства.

Всего чаще нападая на издателя «Телеграфа», они думают

вредить ему, браня «*Историю русского народа*». Чего не сказали уже о ней в «Литературной газете»! Все, кроме дельного. Например, один из сотрудников «Газеты» уверял, что «*История русского народа*» написана *по фактам покойного Ходаковского!*²¹ Эта ссылка на *покойника* и на небывалые факты, конечно, недостойна опровержения, но для наблюдателя важна неблагонамеренность намека, подсказанного желанием вредить. Вот еще пример клеветы: «С сердечным

сокрушением замечаем мы, что восхваляемое «Московским телеграфом» неуважение к знаменитым именам внушило в некоторых молодых поэтов наших и неуважение к творениям великих писателей, и пренебрежение к своим читателям. Уже одно заглавие разбираемой нами книги убеждает в сей горькой истине». «Какой книги?» — спрашивает читатель? Что это за Ивиковы журавли²², обличившие виновного? Вот заглавие книги: *Макбет. Трагедия Шекспира. Из сочинений Шиллера, перевод А. Ротчева.* В чем же виноват «Московский телеграф»? Не понимаем! Если г. Ротчев и не точно назвал свой труд²³, то с какой стати относится это к «Телеграфу»? Издатели «Газеты» правы, сказав, что мнения их в совершенном противоречии с нашим. Мы никогда не думали, чтобы можно было взводить на кого-нибудь небылицы. Не лучше ли было бы им прямо указать, где выхваляли мы неуважение к знаменитым именам людей, истинно великих (ибо и Картуш, и граф Калиостро знамениты своими именами). Или не думают ли они, что сказать: «Не уважайте плохими стихотворениями г-на NN или князя Б. Б.» — все равно что отымать уважение к Шекспиру или Байрону? Ну a fagots et fagots, Messieurs!*

Но возможно ли исчислить все неправды, небылицы, неблагонамеренные намеки, которыми испещрена «Литературная газета»? Это исчисление было бы утомительно и заняло бы слишком много места. «Газета» уверяла, например, что «несколько журналистов хотят обрушить на нее в конце года страшную громаду брани, доведенной до *pes plus ultra*^{**} неприличия и грубости, и тем отбить у нее подписчиков»²⁴ (само время опровергнуло эту нелепость), что г. Булгарин посылает в

* Вещь вещи рознь, господа! (фр.)

** До предела (лат.).

иностранные журналы похвалы своим сочинениям²⁵, — между тем как мы читали их в самых неподкупных журналах, каковы *Revue*

75

Française и *Revue Encyclopédique*; что издатель «Телеграфа» объяснил, что в «Живописце» помещаются не пародии, а пьесы, написанные точь-в-точь так, как пишут наши прозаики и поэты²⁶, и проч., и проч. Не можем, однако ж, прейти молчанием одного утверждения, которое не знаем как и назвать. Вот оно: «Стараниями князя Вяземского «Телеграф» был поставлен на степень хорошего журнала. Но едва князь Вяземский перестал участвовать в оном, то похвалы ему прекратились и благодарность пропала, которой он, впрочем, никогда не требовал»²⁷. Князь Вяземский был постоянным сотрудником «Телеграфа» один год и работал совсем не из *благодарности*. Но он не выполнил обязанности своей, то есть не сделал для журнала всего, что обещал, и сверх того, вошедши с нами в ближайшие отношения, начал изъяслять такие понятия, которых мы не разделяем, и потому был уволен от сотрудничества. Это говорим мы поневоле: нас принуждают к тому. Но мы готовы подтвердить правду слов своих *документально*. Смеем надеяться, что «Телеграф» улучшается с каждым годом, и этому причиною, конечно, не кн. Вяземский, уже несколько лет расставшийся с нами. Мы готовы даже означить все статьи князя Вяземского, помещенные в «Телеграфе», и доказать через это, что они едва ли улучшали журнал; но то несомненно, что они вводили нас в противоречия с самими собою, и на несколько блесков, довольно тусклых, вышедших из—

под пера князя Вяземского. принуждали давать своему журналу такой тон, которого нет в нем теперь²⁸.

Читатели наши видят мнения, понятия и благонамеренность издателей «Лит. газеты». Говорить ли после сего о грубости и неприличии, с какими слишком часто они выражают свои мысли? Вот два примера, в коих ясно видна их светская образованность. «Вышепомянутые журналисты без всякого постороннего участия вредят себе, ежедневно хвастая перед читателями положительным своим невежеством и ничуть не любезными душевными качествами (№ 58)». Что сказать об этом?.. Или о следующем апострофе к одному писателю: «Эх, единожды навсегда скажу тебе, крот мой голубчик: пожалуйста, говори дело, а не болтай пустого». Неужели так выражаются в гостиных?

Дивлюсь и потупляю взор!

Чтение «Литературной газеты» часто заставляет жалеть, что люди, которые хотят быть органами своих соотечественников, находятся на такой степени образованности!

76

Доказательства этому рассеяны по всей «Газете»; впрочем, мы нашли бы их даже в одной предлинной, длинной, длинной статье г–на Катенина: об изящных искусствах и особенно о литературах разных народов²⁹. На эту книгу, по объему ее, можно было бы написать такую же толстую книгу замечаний, ибо все, что человек в силах сказать нелепого и смешного о высоком предмете, все это находится в статье г–на Катенина; но мы не имеем ни желания, ни времени разбирать вздор. В других журналах были уже замечены варварские

понятия г-на Катенина об изящном в архитектуре, которое сравнил он с отделкою кареты, фасоном кресел и щегольством наряда, и о музыке, которую уподобил он грению у печки, качанью на качелях и скаканью на лошади³⁰. Мы укажем только на одно место его статьи (в № 19 «Газеты»), где отразились и образованность, и скромность издателей, и изящество их слога. Вот оно: «Умный и ученый раскольник Шлегель, избавляющий совершенно наших (то есть совершенно избавляющий наших. Ничего: маленькое незнание грамматики) от бесполезной скуки читать и судить *по себе*» (как это читают *по себе*? По какой грамматике? не по светской ли, где господствует *смешенье языков*?), «толкует о трагедиях Сенеки с большим пренебрежением; это сходно с общим планом его: представить греческую трагедию как нечто, правда, прекрасное (ибо против этого спорить нелепо. — *Авт.*), но местное, годное только в Афинах и всякого подражателя ведущее на погибель. Держась сего правила он с равною строгостью осудил весь итальянский и французский театр, выставя в пример начинающим немцам (то есть *начинавшим*)» смелых романтиков англичан и испанцев. Краеугольный камень всего Шлегелева здания есть одностороннее пристрастие к тому, что он исключительно почитает христианством, то есть к католицизму, отчего он (как известно) переменял веру; и *войдя*, так сказать, *в его кожу*, должно сознаться, что он логически рассуждает, требуя везде и во всем романтизма, *сиречь* нравов, обычаев, поверий, преданий и всего быта средних веков Западной Европы...» Довольно для нас! Человек, написавший приведенные здесь строки, конечно, не заслуживает критики. Заметим, однако, что этот грозный и столь вежливый судия Шлегеля печатает свои вздоры не сам собою, а отдает их в «Газету», которая готовилась

показать образцовую критику и угощала своих читателей целый год суждениями г-на Катенина! Издатели должны б были по крайней мере расставить

77

правильнее знаки препинания там, где г-н Катенин грешит против оных, и вообще привести его писанье в грамматические формы. Но если они и согласны с его мнениями, то не позволительно им говорить с неуважением о таком писателе, каков А. Шлегель. Впрочем, тут всего лучше для нас доказательство, обличающее издателей «Газеты» в том, что они не читали Шлегеля, а может быть, и вовсе не слыхали о нем. Они, как видно, смиряются перед ученостью г-на Катенина и верят ему на слово, а он между тем пишет небылицы в лицах. Дело идет об Августе Вильгельме Шлегеле. Пусть же узнают они, что А. В. Шлегель никогда не переменял веры и до сих пор остается тем, чем был всегда — протестантом. Переменил веру брат его, Фридрих Шлегель, а между ними есть большая разница. В А. Шлегеле никогда и не бывало стремления к католицизму. Приводим следующее доказательство. Когда барон Экштейн, в журнале своем³¹, назвал А. Шлегеля *полукатоликом*, разумеется в переносном смысле, и когда Фосс обвинял его в криптокатолицизме, то А. Шлегель оскорбился и написал опровержение, где ясно и подробно выразил свои мысли о сем предмете, и объявил, что он католиком не был и не будет*. Но каково же отразился в уме г-на Катенина курс Шлегеля, когда он почел его основанным на одностороннем пристрастии

* Berichtigung einiger Mißdeutungen. Berlin. 1828.

к католицизму!.. Можно судить после этого о просвещении критиков «Литературной газеты».

Что сказать о слоге сей «Газеты»? Он чрезвычайно не ровен. Иные статьи — правда, весьма немногие — написаны слогом правильным; другие, то есть большая часть, испещрены ошибками, подобными следующим: «Из Ключа в Саланис более трех часов *ходу*, но редко путешественник *думает считать* их. Долина, чрез которую он проходит, гораздо *уже* долины, ведущей из Бонвиля в Ключ; и горы, опоясывающие каймою *ее* длинные *извивы*, часто *отвесные* (?), часто даже *нависшие* (?), едва разделяются Арвою, которая *порабощает себе* все, что только может *оторвать* у берегов и наводняя иногда промежутки их (?), образует там озера, и огромный *размер сей величественной природы*, столь тягостный для *глаза*, еще не привлекшего созерцать *ее* (?), и все, что поражает взор, все, что занимает мысль, придает столь *быстрое движение ощущениям*, что они не *подлежат* уже *расчету* времени.

78

Тут прислушиваешься к самому шуму своих шагов, из опасения, чтобы лавина нечаянно *не отозвалась на него* (?!!). Здесь находишь останки горы, которой длинные карнизы сей час только видел чудесно висящими над своею головою, *непомерные массы, медленно наваленные веками*». Признаться, такого языка поискать и в *Ягуне Скупалове!*³² А сколько ошибок в согласовании слов и в знаках препинания!..

Изобразив цель, сущность и направление «Литературной газеты» или, лучше сказать, направление небольшого числа русских литераторов, известных под

названием *знаменитых друзей*, можем уволить себя от указаний на частные недостатки и ошибки, нередко встречающиеся в рассматриваемом нами издании. Забавны были невежественные привязки «Газеты» к г-ну Гречу, который уничтожал их несколькими словами. Забавны ее суждения о писателях, и не в одной статье г-на Катенина, а во многих приговорах книгам и лицам. Например, Горация почитают издатели *преподавателем легких правил жить и наслаждаться жизнью*. Хорошо понятие о Горации!..³³ Пристрастие их также заметно почти в каждом номере «Газеты». Например, перевод книги г-на Бутурлина о кампании 1813 года³⁴ они называют *весьма хорошим*, тогда как он весьма дурен и бестолков. Хвастливость их не имеет границ; доказательства: похвалы самим себе, то есть князю Вяземскому, Пушкину, гг. Баратынскому, Языкову и проч., также благодарность *И. А. Крылову за присылку басни*³⁵, тогда как ее прислал *А. Ф. Смирдин*, сообщивший во многие журналы по одной басне нашего Лафонтена.

Какое заключение можно сделать о «Литературной газете» после всего рассмотрения нашего? Партия *знаменитых* более жалка, нежели достойна гнева. Она смешивает достоинства чиновные с достоинством человека и, не раздумав хорошенько, силится доказать, что приятели Карамзина, Жуковского и Пушкина необходимо отражают на себе их дарования и славу. Должно признаться, что сии необыкновенные писатели сами утвердили их в этом заблуждении. Мы привели примеры, где Пушкин и Жуковский называют поэтами и гениями посредственных писателей и где вторят им сии последние. Но это—то нельзя назвать союзом дарования. Союз дарований не бывает гласным, так же как союз всех высоких, святых чувств. Человек, который станет

на площади проповедовать о своей благотворительности, то есть любви к нищим, или

79

станет уверять народ в дружбе к кому бы то ни было, конечно, не много найдет верующих. А печатная книга стоит площади, усыпанной народом. Несмотря на то, что Жуковский называет князя Вяземского и г-на Воейкова, а Пушкин и многих кой-кого поэтами и чародеями, публика не верит пиитическим дарованиям сих людей, и журналы служат в этом случае только ее органами. Таинственная броня, закрывавшая некоторых самозванных гениев, спала: она уже не защищает от стрел истины. «Литературная газета» была для союза *знаменитых* последним средством, где истощено все: и дарования их, и неистовые брани против других писателей, и даже вся возможная неблагонамеренность, где главных сотрудников своих (Пушкина, кн. Вяземского, гг. Сомова, Погорельского и других) превозносят, унижая всех, решительно всех других, где не стыдятся утверждать о преимуществах дворянина пред человеком, для того только, что между противниками «Газеты» есть недворяне! И все это не защищает от метких ударов критики и времени. Признаемся, мы с удовольствием видим падение *партии знаменитых* — в нашей литературе. Надобно желать истребления вообще всех монополий, а монополия литературная едва ли не одна из вреднейших. Она заставляет юные умы ждать ободрения от монополистов, тогда как его должно давать общество... Общество!.. вот великое слово, которое должно быть зна́ком соединения

всех: для общества должны трудиться все, и от него, от этого безличного существа ждать воздаяний.

Заключим. Кому угодно видеть мелкие притязания на славу, на образованность и даже на ученость, притязания, непрерывно вводящие издателей в промахи и обмолвки, кому угодно читать статьи, надиктованные пристрастием, ненавистью или притворною приязнью и испещренные, очень часто, дурным слогом, тот может взять в руки «Литературную газету» — он найдет там все, исчисленное нами, и сверх того еще многое неисчислимое. Но кто будет искать чтения приятного и назидательного, тому не советуем заглядывать в эту «Газету». У него *душа поворотится*, говоря выражением Карамзина. Мы читали «Газету» целый год, и не нашли в ней хорошего, благородного направления, свежих, современных мнений и мыслей, не встретили ни одной идеи высокой, животворной. И чего ожидать от людей, унижающих *человека* для защиты своих мечтательных дарований!..

Мы не хотели так долго заниматься этою «Газетою»,

мы увлеклись, ибо дело шло об опровержении таких мнений, которые несколько высокомерных лиц выдают за мнения истинные, справедливые и которые, к несчастью, находят отголоски в альманахах и периодических изданиях. Но мы совершенно противоположны мнениям и учению «Литературной газеты». После всего сказанного должно быть понятно для всякого, отчего нам даже нестерпимы сострастие с сею «Газетою» и хвалы ее учению. Причина сего заключается не в каких-нибудь личных отношениях, а в

сущности самой «Газеты». К утешению своему скажем, что разделяющих ее мнения очень немного. Чтобы утвердительно сказать это, надобно было обнажить ее философию, направление, ученость, вкус, разборчивость, средства к защите: мы исполнили это. Надеемся, что своим разбором мы сделали публике услугу и что она простит нам несколько лишних страниц, посвященных истине.

(До след. книжки.)³⁶